

Жизнь и смерть Иосифа Трумпельдора

Как юноша из Пятигорска стал полным георгиевским кавалером в армии императора России, получил подарок от императора Японии – и погиб ради будущего Израиля

Олег ПУЛЯ

Любая история начинается с прихода человека в этот мир – и очень-очень многое определяет семья. Так было и с Иосифом Трумпельдором. На свет он появился 21 ноября 1880 года в Пятигорске, в семье отставника, при Николае I и Александре II отслужившего в общей сложности почти 40 бесконечных солдатских лет, ветерана Кавказской войны, участвовавшего в пленении имама Шамиля.

Отец, Вульф-Зеев Трумпельдор, еще в 6 лет угодил в кантонистскую школу при военном ведомстве, что для еврейских детей было тяжким испытанием. Выйдя в отставку кандидатом на класную должность (зауряд-военным чиновником), отец часто рассказывал о тяготах детских кантонистских лет, о долгой службе военфельдшером – и о любви к армии и стране. Не знавший толком ни идиш, ни еврейской традиции, но отказавшийся от крещения несмотря на обещанный офицерский чин, уговорив начальства и жены, отец стал для сына примером верности религии (Иосиф и четверо его братьев фактически порвали с тремя своими сестрами, когда те перешли в православие). Именно детские впечатления наравне с сионистскими идеями и стали основой его уникальной судьбы...

В 1884 году семья переехала в Ростов-на-Дону. После хедера Иосиф с отличием окончил городское училище, выдержал экзамен в реальное училище, но по процентным нормам зачислен не был. И оказался в фельдшерской школе, куда принимали детей солдат-евреев. А в 1900-м получил диплом зубного техника и занялся зубоорточным делом.

Как и многие из образованной молодежи Российской империи, Иосиф увлекся идеями сиятельного земледельца Льва Толстого – и особенно идеей крестьянской коммуны, которая выдвинула идеалом общественного устройства. Тогда же и потому же стал вегетарианцем. Сердце его тронула и книга Теодора Герцля «Еврейское государство» – он мечтал о сельскохозяйственных коммунах под знойным небом Палестины... Если по-честному, в наше насмешливое время такую смесь идей назвали бы кашей в голове, но мир начала XX столетия кардинально отличался от нынешнего. И в горниле войн и потрясений выковалось ясное мировоззрение еврейского юноши, которое не поколебали никакие удары судьбы. Впрочем, до этого оставалось несколько лет – совершенно необыкновенных.

В 1902-м его призвали в армию, определив фельдшером в пехотный полк, стоявший в городке Тульчин Киевского военного округа. Но всё изменилось 27 января 1904 года, с первыми выстрелами войны с Японией, когда японские миноносцы торпедировали русские корабли в Порт-Артуре – крепости на Дальнем Востоке. Общество преисполнилось патристическим энтузиазмом; считалось, война с «япошками» продлится недолго и будет безусловно победоносной. Вспоминая рассказы отца, Иосиф жаждал участвовать в боях – и тут же подал рапорт с просьбой об отправке на фронт. Молодого военфельдшера перевели в 27-й Восточно-Сибирский полк, в феврале 1904-го переброшенный из-под Киева в Маньчжурью и влившийся в гарнизон Порт-Артура.

Иосифа причислили к полковому лазарету, а он добился перевода в полковую разведку, неоднократно ходил в японский тыл, полюбился начальству и товарищам-солдатам. И вдруг в начале августа, при первом японском штурме крепости, осколком снаряда раздробили ему кости левой руки,

и врачам пришлось отнять руку немного выше локтя. Это означало полную инвалидность, но...

Но положение осажденного Порт-Артура становилось всё трагичней, и 24 ноября, залечив ампутированную руку, солдат обратился к командиру роты с докладной запиской: «У меня осталась одна рука; но эта одна – правая. А потому, желая по-прежнему делить с товарищами боевую жизнь, прошу ходатайства Вашего благородия о выдаче мне шашки и револьвера». Когда необыкновенная докладная пропутешествовала по инстанции, комендант Порт-Артура генерал-лейтенант Смирнов 29 ноября подписал приказ с такими словами: «Ефрейтор Трумпельдор... был прикомандирован к госпиталю, где имел возможность быть избавленным от смертельной опасности и трудностей окопной жизни, но он пошел добровольцем на передовую линию фронта, где неоднократно показал чудеса храбрости... Будучи тяжело раненным... не пожелал воспользоваться законным правом обратиться в инвалида и, презирая опасность, вновь предложил свою полускаленную жизнь на борьбу с врагом. Трумпельдор приносит на благо Родины больше того, что требуется присягой... Награждаю его Георгиевским крестом и произвожу в старшие унтер-офицеры».

Всё же на 332-й день войны, 23 декабря 1904 года, под давлением неприятеля и из-за ошибок командования крепость Порт-Артур капитулировала, и гарнизон из 23 000 человек оказался в плену. Офицеры и нижние чины содержались в весьма мягких условиях, с хорошим питанием, денежным довольствием и уважительным отношением – не в пример последующим войнам. Иосиф Трумпельдор стал признанным лидером 1700 пленных-евреев. Он издавал газету на идиш, основал синагогу и мащепекарню, библиотеку и школу, кассу взаимопомощи и театральный кружок – не говоря уже об агитации за переселение в Эрец Исраэль.

О странном русском пленном было упомянуто в докладе японскому монарху, и Трумпельдор удостоился аудиенции у императора Муцухито во дворце в Токио. Под конец он спросил, отчего при стольких крестах на груди тот всего лишь унтер, а не офицер, – и изумился, узнав, что в России солдат-иудеев в офицеры не производят. Потом, уже в лагере, Трумпельдору вручили чудесно изготовленный протез левой руки с золоченой надписью: «Это жалует японский император герою Трумпельдору за его полезную деятельность во время плена».

После заключения мира герой, восторженно встреченный прессой, в апреле 1906 года наконец-то вернулся в Ростов-на-Дону, где застал печальные последствия октябрьского еврейского погрома – одного из многих, прокатившихся по России в связи с разгорающейся революцией.

А вскоре последовал вызов в Петербург из Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Трумпельдор был принят Николаем II в Царском Селе в числе других георгиевских кавалеров. Император осмотрел японский протез и предложил Иосифу поступать в Военно-медицинскую академию, обычно для иудеев закрытую. Иосиф ответил, что мечтает учиться на юридическом факультете Петербургского университета, и Николай II пожелал успехов. Тогда же ему были вручены погоны подпрапорщика, наивысшего унтер-офицерского чина. По военной части теперь открывались две возможности: продолжать службу и получить первый уже действительно офицерский чин подполковника – либо взять длительный отпуск за государственный счет и выйти

в отставку с производством в первый офицерский чин запаса. Трумпельдор выбрал второй вариант и, вопреки распространенной легенде, офицером стал лишь в 1908 году, с получением чина прапорщика запаса (предварительно, в 1907-м, став зауряд-прапорщиком). Редчайшее исключение из правил: он оказался лишь третьим за всю историю Русской армии офицером иудейского вероисповедания!

Поступив в 1906 году на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, Трумпельдор осваивал науки, вел бесплатные занятия для рабочих, помогал нуждающимся студентам, публиковал сионистские статьи – и мечтал о новом еврейском государстве в Эрец Исраэль. Неудивительно, что, окончив в 1911 году университет, в 1912-м он с компанией единомышленников уехал в Палестину. Поднимал сельское хозяйство в бесплодной пустыне и отставлял землю от набегов кочевников-арабов, организовывал еврейские сторожевые отряды.

И опять всё изменила война – Великая, Первая мировая... Турция, владевшая Палестиной, встала на сторону стран Тройственного союза, противостоявшего государствам Антанты, куда входила и Россия. Разумеется, идти на войну вместе с турками для российского подданного и офицера Трумпельдора было невозможно. В результате он оказался в Египте, где под властью союзных России британцев собралось 11 000 поселенцев, высланных из Палестины. Там Жаботинский и Трумпельдор и выдвинули идею формирования добровольческого Еврейского легиона, и с 25 апреля 1915 года Иосиф в чине капитана британской армии участвовал в многомесячном кровопролитном сражении на полуострове Галлиполи.

В феврале 1917-го в России рухнула монархия, а в июне Трумпельдор появился в Петрограде, был принят главой государства Керенским и с его одобрения взялся за формирование еврейского полка – для прорыва через Кавказский фронт в Палестину. Затем во главе добровольческой роты участвовал в подавлении мятежа генерала Корнилова, в октябре 1917 года председательствовал в Киеве на учредительном съезде союзов евреев-воинов, был арестован большевиками, в январе 1919-го провел в Петрограде первую конференцию организации «Хехалуц», содействовавшей переселению в Эрец

Исраэль. А в мае уехал в Крым, лично договаривался с белыми и красными об отправке новых поселенцев и в августе сам отплыл из Ялты в Константинополь, чтобы вернуться в Палестину.

Турок оттуда давно выбили британцы, и молодые сионисты приняли Трумпельдора как лидера, способного объединить ишув. Первым для себя делом он наметил создание объединенного рабочего движения, вторым, не менее важным, – формирование единых вооруженных сил. И в январе 1920 года во главе небольшого отряда отправился на север, в Верхнюю Галилею, где соприкасались зоны британской и французской оккупации. С этой почти «ничейной» территории арабские отряды, восставшие против французских в Сирии, угрожали и еврейским поселениям Метула, Кфар-Гилади и Тель-Хай («Галилейский палец»). Повстанцы подошли к Тель-Хаю 1 марта и потребовали доказательств, что в поселении нет французских солдат. Тель-Хай обороняли всего 20 человек, и осаждавших впустили внутрь – но затем то ли из-за арабской провокации, то ли по недоразумению раздался первый выстрел, в ход пошли гранаты, и Трумпельдор получил тяжелейшее ранение. Оставаясь в сознании, он сам заправил в живот вывалившиеся кишки (военный фельдшер и сын военного фельдшера!) и, умирая, до последнего, как боевой офицер, руководил обороной – а затем эвакуацией раненых, когда вечером подоспела подмога из Кфар-Гилади. И умер уже в пути.

Его и семерых погибших при обороне Тель-Хая тогда похоронили в Кфар-Гилади, но в 1934-м останки бойцов перенесли на кладбище ближе к Тель-Хаю. Они и сейчас покоятся там, под знаменитым монументом с рычащим львом.

Едва ли не всем в Израиле известно, что последними словами Иосифа Трумпельдора были «Тов ламут бзад арцейну» – «Хорошо умереть за свою страну». Фраза эта цитируется столь часто, что в ней не могли не усомниться – как сомневаются сейчас в плодах любого мифотворчества. Да и уж очень напоминает она бессмертное Горация: «Отрадно и почетно умереть за отечество»... Самые злые языки утверждают, что герой не мог произнести такое на иврите, ибо вроде как ивритом не владел. А последними словами его были вполне русские матерные – извинительные для боевого офицера, заработавшего чин собственной кровью, и ни в коем случае не умаляющие его героической жизни и смерти. Лично знавшие Трумпельдора принимали эту версию с юмором – вспоминая, что тот никогда в жизни не матерился и был преувеличенно корректным человеком. Умеренные же скептики полагают, что умер Трумпельдор с любимыми словами «ничего, ничего...», которые повторял во многих ситуациях.

Спор этот неразрешим. Но в конечном счете не важно, какие именно слова сказал Иосиф Трумпельдор и тем более знал ли он Горация. Важно лишь, что всегда и совершенно точно он знал одно: ради будущего Эрец Исраэль можно принести в жертву собственную жизнь. Он жил с этим – и с этим умер. Что искренней и ценней любых слов.

И еще: рассказы о гибели Иосифа Трумпельдора в Тель-Хае часто начинаются со слов «битва» и «сражение». Но то, что произошло 1 марта 1920 года, по меркам военной истории ни битвой, ни сражением не было. Просто в силу масштабов. И в летописях любой из войн упоминание об этом неминуемо затерялось бы в безликих сводках перестрелок и боёв местного значения... Но подвиг Иосифа Трумпельдора и его товарищей, защищавших в неприметном кибуце новые границы Эрец Исраэль, отозвался в сердцах всего ишува Палестины, узнали о нем и за границей. Не забыли его и сейчас, почти через семь десятилетий после того, как в 1948-м осуществилась вековая мечта о возрождении еврейского государства. И суровые камни, из которых сложен постамент вечно рычащего льва в Тель-Хае, – стали частью фундамента, на котором стоит величественное здание нового Израиля.

Считается, что Иосиф Трумпельдор награжден Знаками отличия Военного ордена (Георгиевскими крестами) всех четырех степеней – то есть имел полный Георгиевский бант, высшее из солдатских отличий. Тем не менее в личном деле Трумпельдора вписаны 4-я, 2-я, 1-я степени креста и серебряная медаль за Порт-Артур; о 3-й степени упоминания нет. Сам Трумпельдор лишь полагал, без уверенности, что награжден и крестом 3-й степени. К тому же на хранящейся в музее его наградной колодке место 3-й степени пустует, отсутствует она и на послевоенной фотографии Трумпельдора в форме подпрапорщика. Но ведь по статуту ордена награждать 2-й степенью сразу после 4-й, минуя 3-ю, не могли! Лишь недавно в военных архивах отыскался документ, где фамилия Трумпельдора значится в списке удостоенных первыми тремя степенями награды в варианте «для иноверцев». Всё просто: 112 лет назад сам крест и бумаги на него затерялись в неразберихе при сдаче крепости.

Да, и кресты 4-й и 2-й степеней Иосиф получил за подвиги, совершенные в течение одного месяца: 7 июля и 7 августа. В полной мере это оценит лишь тот, кто знает – как доставался солдатам полный Георгиевский бант...